

П. Е. Ахраменко (Беларусь, Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина)

ЛЕКСИКА ОРИГИНАЛА ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. П. МЕЛЕЖА И ЕЕ ФУНКЦИИ В ТЕКСТАХ РУССКОГО ПЕРЕВОДА

И. Мележ – известный всему миру классик белорусской литературы, признанный мастер художественного слова. Его перу принадлежат замечательные произведения, в которых показана «поэзия» белорусской природы, красота человеческих отношений, сложность и противоречивость

социальных потрясений. Он умело использует художественно-изобразительные средства белорусской прозы. Белорусскоязычные тексты его произведений имеют непереоценимое значение для мировой культуры.

Русские читатели вполне способны понимать тексты и в оригинале, на белорусском языке, поскольку белорусский и русский языки близкородственны. Однако большинство читателей России, безусловно, знакомятся с произведениями белорусских писателей через переводчика.

Когда речь идет о переводе технической и научной литературы, самое главное – не уклоняясь от оригинала, передать нюансы смысла. Но для художественной литературы этого недостаточно. Ведь задача литературы – не донести до нас некий сюжет, который показался автору интересным, а произвести на читателя эмоциональное, художественное впечатление. И чтобы такое же впечатление произвел перевод, переводчик должен почувствовать и передать авторский стиль, пользоваться авторским же адекватным лексиконом. Никто так не может почувствовать и прочувствовать художественное произведение как сам автор [2]. По-видимому, в связи с этим многие оригиналы белорусскоязычных произведений И. Мележа имеют авторизованный перевод.

В переводе сохранены особенности языка оригинала, неповторимость мележевского стиля. Непосредственным достоинством переводных текстов И. Мележа является то, что мысль передается не сама по себе, а вместе с ее языковой формой оригинала.

Эффектным и эффективным средством показа народной жизни, представления полесского быта, действительности в романе «Люди на болоте» И. Мележа выступает народный белорусский язык. Народные высказывания, употребляемые в тексте произведения, несут в себе, во-первых, отражение социальных взаимоотношений, во-вторых, служат наилучшим средством характеристики героев [5]. Язык в произведениях И. Мележа выступает не только формой характеристики персонажа, но и средством создания колорита той обстановки, которая описывается.

Вначале при работе над романом автор использовал в диалогах речь своих героев в форме литературного языка, но это выглядело неестественным, искусственным. «Все настойчивей стал одолевать меня соблазн, – писал позднее И. Мележ, – не попробовать ли дать говорить героям так, как они говорят в жизни. Ввести в роман их настоящий, возможно, чудной для других говор. Мои герои будто ожили, стали теми людьми с Полесья, которыми мне их хотелось видеть и слышать» [1, с. 11].

Относительно особенностей русскоязычного переводного текста романа «Люди на болоте» следует отметить в первую очередь то, что в переводном тексте наличествует большое количество белорусизмов. Они широко используются в качестве средства речевой характеристики персонажей произведения

Герои И. Мележа предстают перед нами не с «искусственной» речью, а с живым, бьющим, как родник, белорусским словом. Часто в этой функции выступают служебные слова, междометия: **дак** – рус. **так, мо** – рус. может, **мабуць** – рус. наверное, **покуль** – рус. пока, **нема** – рус. нет, **таксамо** – рус. также, **покуль** – рус. пока, **нехай** – рус. пусть и др.: *Дак гляди, чтоб стерег хорошо; А мо трохі есць? – Нема... – Ну, коли нема, то нема; Бо и так знаю: в холостяках ходіць, покуль не надоест очень; Дак ен – нібыто – двадцать лет бился с болотом... Копае, копае – не ен, конечно, а люди, приведенные – а оно, болото, покуль в одном месте выкопают, в другом уже ряской заросло.*

Ряд белорусизмов имеет формальные отличия от соответствующих белорусских лексем. Регулярно это проявляется в том, что эти лексемы представляют собой диалектные фонетические варианты эквивалентов белорусского литературного языка. Этими лексемами создается не только речевая, но и этносоциальная характеристика персонажа. В русском варианте эти лексические маркеры также выступают в качестве индивидуализации речи персонажей: *Кохта* *какая была?*; *«Хунта* *три наберется ли?»* – *прикинула мачеха*; *Корч* *ездил в местечко за дохтуром*; *Это не то, что хвабричная.*

Словообразовательные и фонетические элементы служат в целях речевой типизации маркеров речи белорусов, отличающейся от соответствующих русских литературных эквивалентов: *напужались* (*напугались*), *ден* (*дней*) *кажний* (*каждый*), *сенешний* (*сегодняшний*) и др.: *Бо про дельбу и разговор начался – двух ден не прошло*; *Говорят, у коммунистов тоже бог есть и они ему кажний день молятся*; *Мамо кажет, картопля простынет. Заходьте...Заходьте... Невесточка моя; Василь знал, что весь этот разговор... только так, для прилику.*

В качестве средства стилизации речи персонажей в диалогах и монологах героев романа используются лексико-грамматические формы белорусского языка: *«Учиться хотели там оставить. А он сказал: до дому»*; *«Надолго до нас?»* – *спросила Ганна*; *Они сено берут*; *Сам бы женился на такой, кабы молодеший был*; *По людску надо с ними*; а также окончания глаголов 3-го лица единственного и множественного числа: *беруть, бьють, летить, пужае, заробляе, косить.*

Стилистически нейтральный для белорусского языка лексический компонент может оставаться в переводном тексте без изменений, и тогда он в русском варианте становится ярко выраженным, стилистически маркированным: *Э-э... пусть говорят, что хотят, человеку рот не завяжешь, если язык свербит*; *Детей полон хором, а сам, что малый – и не сором!*

Функцию индивидуализации речи выполняют и лексемы-вокативы. Регулярнее других в этой функции используются лексемы со значением родства «дядька» и «тетка». Причем они употребляются не только детьми

по отношению к старшим, но и взрослыми по отношению к более старшим, близким знакомым: *«Я думаю, что вы, дядька Андрей, дарма боитесь!» – твердо заявил Миконор; Косец – молодец! Не сомневайтесь, тетко!*

Стилизацией текста служат также обращения в форме бывшего звательного падежа, которые отмечаются регулярно на протяжении всего романа: *«Миканорко, не говори, чего не надо!» – миролюбиво, но твердо сказала мать; «Не слухай его, Василько, смеется он; Тато, дайте я осмотрю; Скажете вы, мамо.*

Стилистически маркированные единицы белорусской речи в переводе позволяют более четко представить описываемое. Такой прием в целом автором используется для того, чтобы донести красоту и певучесть белорусского языка русскому читателю.

Литература

1. Беларуская мова і літаратура ў школе. – 1990. – № 5.
2. Гируцкий, А. А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы / А. А. Гируцкий. – Минск, 1990.
3. Мележ, И. Люди на болоте / И. Мележ. – Минск, 1967.
4. Мележ, I. Людзі на балоце / I. Мележ. – Мінск, 1999.
5. Рагойша, В. П. Проблемы перевода с близкородственных языков / В. П. Рагойша. – Минск, 1980.